

МИР ПИСАТЕЛЯ

Между Западом и Востоком

Лев Разгон рассказал мне как-то одновременно смешную и поучительную историю. Есть у него знакомый француз, журналист, который подолгу живет в России, изучает нашу жизнь, наши проблемы и, кажется, уже все про нас знает. Две книги о России написал. И вот берет он у Разгона интервью, расспрашивает о его жизни, о лагерях. Разгон все подробно рассказывает. И вдруг у француза вырывается вопрос: а на чем же вы писали в лагере-то? Да на чем придется – отвечает Разгон. И тут француз, знакомо нашей жизни, осеняет ужасная догадка: наверное, вы писали на туалетной бумаге! То есть он даже и мысли такой допустить не может, что в сталинских лагерях обходились без теплых туалетов и туалетной бумаги.

Увы, нас никогда не поймут до конца. Как, впрочем, и мы их.

Да и все наши исторические споры между западниками и славянофилами скорее всего бесплодны. Потому что есть некая историческая и геополитическая данность. Мы – такие. И другими быть нам если и дано, то все равно мы не будем Западом. И не будем Востоком. Казалось бы, раздели нашу страну по Уральскому хребту – и все споры закончатся. Вот вам Европа, а вот Азия. Вот вам Запад, а вот Восток. Но в том-то и дело, что граница эта проходит не по Уральскому хребту. Она проходит в каждом из нас, в нашем сознании, вне зависимости от того, где мы живем – в Калининграде или в Находке. Бердяев говорил, что вся трагедия России в том и заключается, что одной ногой она стоит на Западе, а другой – на Востоке. Враскоряку. Трагедия. Но и своеобразия.

Когда я приезжаю на Запад, меня многое восхищает. Чистота. Культура быта и бытовых отношений. Какая-то даже не личная, а государственная забота о ближнем вплоть до нарисованных краской следов на тротуаре, подсказывающих пешеходам, что именно по этой стороне улицы ходить безопаснее всего. При этом люди всегда знают, что можно, а чего нельзя. Даже в моей любимой Болгарии, которую долго считали как бы частью нашего мира, нашей системы. Как-то я с друзьями ехал в Болгарию мимо огромных зарослей виноградника и попросил остановить машину, чтобы поехать в виноград. Мои спутники очень удивились. Доедем, говорят, до места, пойдем на рынок и купим. А почему здесь нельзя? Ведь никто не охраняет! Но они не знают, почему нельзя. Нельзя – и все! На этом фоне наши люди очень узнаваемы. Именно тем, что все время норовят сделать то, что нельзя.

Стихийность – вот что в нас главное. По роду своей сегодняшней работы в комитете по помилованию мне ежедневно приходится сталкиваться с этой стихийностью. Она порой приобретает ужасные очертания. Поскольку понимание того, что можно, а чего нельзя, размыто до крайности, каждый полагается на свое внутреннее право, стихийное право. Мы способны на стихийное пьянство, стихийное преступление, стихийный бунт, но и на стихийный подвиг. Поди тут разберись, если и во мне самом всего понеману.

Когда Лев Копелев со своей женой Райсой уехали в Германию, мы переписывались. Я знал, как они живут, знал, что и я мог бы там нормально устроиться. Но меня постоянно преследовала одна картина. Еду я по шоссе, сворачиваю на проселочную дорожку, подъезжаю к какому-нибудь стожку на берегу реки, ставлю палатку, ловлю рыбу: дышу, наслаждаюсь нашей природой, которую очень люблю и без которой жить не могу. Ну где, думал я, у вас в Германии такой стожок, где такая проселочная дорожка, тишина? И никуда-то я не поехал. Но тут же вспоминается анекдот: "О чем вы думаете, когда смотрите на звезды?" – проснувшись среди ночи, спрашивает Шерлок Холмс у доктора Ватсона. "О том, что завтра будет хорошая погода", – мечтательно отвечает доктор. "Дурак вы, Ватсон, – заключает Холмс, – просто у нас палатку сперли". Вот между этим мы и живем. С одной стороны природа, созерцательность, мечты о тишине и покое на берегу реки. А с другой – постоянный страх, что этот покой кто-то нарушит, испортит, украдет, уберет.

Вот мы смотрим по телевизору массу западных остросюжетных фильмов с насилием, убийствами. А любим в основном фильмы спокойные, лирические, душевные. Отчего это? Да потому что им при их спокойной, устоявшейся жизни уже скучно. Они тоже хотят острых ощущений. Когда я был в Италии, один знакомый киношник-итальянец сказал мне, что не может уже жить в этом мертвом царстве и собирается в Южную Америку, где жизнь еще не устоялась. У нас тоже не устоялась. Поэтому меня тянет не в Южную Америку, а куда-нибудь на Кипр, хоть на полгодика. В тишину, в покой. Хотя я и понимаю, что для нашего человека покой недостижим. Я буду жить на Кипре и думать о России. Увы, "покой нет". Булгаков нашел такое место для Мастера и Маргариты – тихий домик, свечка, собака, стережущая покой. Но идеальное это место находится вне жизни, вне времени и пространства. А мы живем в гигантской аэродинамической трубе, соединяющей Запад и Восток. Здесь не смолкают ветры, не прекращаются катаклизмы и всем правит стихия. Мы не западники и не славянофилы. Мы россияне. Это данность. И этим многое объясняется.

Мст. газ. – 1994. – 28 дек. – С. 3. Уголек на ладони

Сила нашей культуры еще и в том, что она не отгорожена от мира, она постоянно обогащалась и обогащается проникновением в нее культурных черт других народов, живших и живущих в составе нашей страны. Эти культуры настолько слились с русской, что многие писатели воспроизводили в произведениях колорит своих народов на русском языке. Это и Чингиз Айтматов, и Ион Друцэ, и Лина Костенко, и Олжас Сулейменов, и многие другие. Отношения между нашими народами складывались не всегда просто, но культура всегда спасала, примиряла.

Однако главной нашей проблемой всегда был Кавказ. Кавказ – это и вечная наша беда, и вечные слезы, и вечная наша любовь, и, к сожалению, вечные наши жертвы. Когда моя "Тучка" должна была выйти в Англию, мы с моим переводчиком долго обсуждали, каким должно быть название. Ведь Лермонтова англичане не знают, поэтому "Ночевала тучка золотая" звучало бы для них просто как какая-то туча над Кавказом. Мне же важно было передать не столько буквальный, сколько ассоциативный, образный смысл. И тогда мы вспомнили, что у Шекспира есть примерно такой образ: Кавказ на твердой ладони земли, как раскаленный уголек. Поразительно, как Шекспиру удалось это почувствовать.

Вот этот самый уголек веками уже жжет нам ладони. На Кавказе живут гордые и свободные люди. Мы с ними воевали и ими же восхищались. Они – другие. Но в то же время они уже где-то внутри нас. Потому что мы уже воспринимаем

А пока приходится жить с чувством непереносимого стыда. Потому что опять все диктуют люди, способные только к разрушению. Хотя пора бы уже хоть что-нибудь построить.

Материализация символа

Как-то я услышал потрясшие меня слова: культура нужна для того, чтобы спасти человека. То есть все, что создано в культуре, создано для спасения! Вот он, ключ. Значит, в первую очередь об этом надо думать. Надо спасти все, что еще уцелело в нашей культуре, и попытаться по кирпичику восстановить то, что потеряно.

Культура в нашем сознании живет символами. И одним из таких символов был и остается храм Христа Спасителя, который сегодня уже начали восстанавливать в Москве.

Начало строительства, однако, не остановило споров. Приводятся доводы и "за", и "против". Я же хочу посмотреть на это дело с другой точки. С точки зрения объективности, естественности развития нашей культуры, если хотите – с точки зрения неизбежности тех или иных шагов в ней. Поскольку, как я уже говорил, то, что мы россияне – это данность. И поступаем мы соответственно собственным особенностям.

Так вот, Лужков, затеявший восстановление, в данном случае является выражением объективности нашего сознания. Не он строит, а некая высшая сила, которая его к этому подтолкнула. Согласитесь, мог он эти деньги и на какие-нибудь чиновные дачи пустить. Так вот, если храм будет построен, он станет неким ма-

териальным воплощением нашей духовности со всеми ее и отвратительными, и прекрасными чертами. Он станет реальным фактом, реальным возвращением почти что из небытия одного из звеньев нашей культуры.

Говорят, и я это признаю, что строение это было не самым красивым. Но оно было! В храме была прекрасная живопись, изумительные фрески работы очень больших мастеров. Он был един в трех лицах. Неподражаемое содержание уживалось с аляповатой внешностью. А третьим лицом его было не лицо даже, а лик, символ. Он был частью нас, частью моих родителей, которые жили в одно с ним время.

Когда Булат Окуджава приехал из Америки, я спросил, как его там принимали. Он ответил, что принимали замечательно. А потом, подумав, сказал: я понимаю, что на меня в Америке эмигранты ходят из чувства ностальгии. Так вот, Лужков, как мне кажется, тоже затеял это строительство из чувства ностальгии.

А до этого, видимо, из того же чувства помог отреставрировать церковь у Красной площади, чего никто не заметил и о чем никто не спорил. Значит, есть стремление вернуть хоть что-то из утраченного. И это нормально.

Говорят, повторюсь, что это было не лучшее архитектурное творение и не лучший символ. Но сколько людей – столько мнений. И кто точно знает, какой символ лучше, а какой хуже? Важно другое. А именно то, что это – наш символ. Он не может быть американским или немецким.

Москва же всегда была с точки зрения архитектуры эклектична. Она не составляла единой архитектурной композиции, как Питер, а во все времена была нагромождением строений разного вкуса, отражая этим тот факт, что в городе – различные люди, различные сословия, различные культурные пласты. Петербург – это вкус Петра. А Москва – это вкус самых разных людей. Архитектура Москвы полифонична, я бы даже сказал – демократична. Может быть, именно этим она и не нравилась жестокому самодержцу Петру, который желал видеть во всем воплощение своей воли.

Наверное, храм сам по себе не улучшит

и не ухудшит вид Москвы. Но важен будет сам факт возрождения его из небытия. Болгары вон взяли и по древним чертежам восстановили в Велико-Тырново дворец царя. Им хотелось воочию видеть этот дворец таким, каким они его себе представляли по историческим описаниям. У них тоже люди живут небогато и нашли бы куда потратить деньги. Но они возродили дворец. Из ничего возродили. А у нас от храма все-таки кое-что осталось.

По поводу арки Победы на Кутузовском проспекте тоже спорили, хоть и не публично. Спорить публично в советские времена было непорочно. Ну и что? Кому она сейчас мешает? Наоборот, она стала уже неотъемлемой частью Москвы.

Храм был не столько символом религиозным, не столько символом наших побед и нации (хотя таким задумывался, на чем и пытаются спекулировать сегодняшние псевдонатриоты), сколько просто неким фактом Москвы, частью тела, частью каждого живущего в столице человека. Около него зажгли первые в городе уличные фонари. К нему ходили гулять влюбленные. Он был центром. Причем центром отнюдь не религиозным. Хотя и прямой повод для его постройки, конечно же, имел значение. Ведь еще жили люди, помнившие войну 1812 года. Для них это было важно. Как важно для нынешних ветеранов сооружение памятника на Поклонной горе.

Говорят, что лучше бы какую-нибудь столовую лишнюю построить для бездомных и малоимущих. Но это мне напоминает сцену из рязановского фильма "Небеса

умеющий настраивать свой слух на определенную волну, все это способен услышать. Космос хранит нашу историю надежнее, чем мы сами. Я верю в это. Поэтому считаю, что храм существовал, даже если его не было все эти годы. Дух храма витал над нами. Будоражил. Порождал вымыслы и спекуляции – и политические, и националистические. Не давал спокойно спать и людям верующим, и просто свидетелям уничтожения. Если его не восстановить, все это будет продолжаться. Поэтому храм надо материализовать. И тогда все встанет на свои места.

Половодье

Есть вещи объективные. Если вы любите Достоевского, Толстого, Есенина, то должны понимать, что эти писатели могли появиться только у нас, только на нашей почве, где была и своя духовность, и свои мерзости бытия. Они не могли родиться в Америке, как у нас не могли родиться Фолкнер и Хемингуэй. И выбирать бесполезно. Это данность. Нужно только помнить, что наша культура – часть культуры мировой, звено единого культурного ожерелья, призванного спасти человечество. И за спасение своей культуры мы ответственны не только перед собой, но и перед всем миром.

Как-то мне довелось с одним сибирским поэтом плыть по морю, образовавшемуся с постройкой Братской ГЭС. Вода там довольно прозрачная, и мой спутник, не отрываясь, смотрел вниз, будто пытался что-то разглядеть на дне. Я никак не мог понять, что он там ищет. А когда спросил, то услышал в ответ что-то вроде причитания: "Ну не может же быть, чтобы весь перегонный смыло! Хоть какой-то, хоть тонкий слой должен же был остаться!"

И действительно, что-то, наверное, осталось. Не могло не остаться. Культурный слой земли, по сантиметру накапливавшийся веками, не так-то просто смыть.

Так и с нашей культурой. Да, она складывалась на бедной почве, в наших родимых лесах и болотах (хотя Ключевский и считает, что народ наш вышел из Закарпатья). Но она тоже копилась по сантиметру, по сказочке, по былинке, по церковке, пока не родила мощные пласты в литературе, языке, музыке, архитектуре, живописи. Этот слой, этот перегонный не исчез. Он подпитывал нас все годы советской власти. Иначе как объяснить, что при запрещенных Достоевском, Есенине, Мандельштаме, других писателях, при фактически скрываемых великих наших художниках начала века, абсолютно, казалось бы, погребенных философах тем не менее у нас все эти годы появлялись талантливейшие писатели, живописцы, композиторы? Можно запретить Платонову, расстрелять Бабеля, сгноить в лагере Мандельштама, затравить Пастернака, Ахматову, Зощенко, но произведение-то их нигде не делись. Они жили все это время. И питали нас. И, если хотите, спасли. Так и дальше будет.

Конечно, издательства сегодня почти не интересуются серьезной литературой. телевидение насквозь коммерческое, предприниматели вкладывают деньги только в то, что может принести доход. Конечно, наша коммерческая элита пока малокультурна и не может зачастую отличить элементарную подделку от произведения искусства. О более глубоких процессах я уже не говорю. Как не говорю обо всех предпринимателях вообще. Среди них и сегодня уже есть интеллигентные, образованные люди. Но все же большей части разбогатевших в последние годы близок старый идеал советского курортника – водка, лодка и молодка. Что и дает людям повод судить обо всех бизнесменах скопом по этой формуле.

Но и нынешним половодьем культуру не смоем. И грязь к ней не пристанет. Культура обладает свойством самоочищения. Она самоочищается, как самоочищается море. А вместе с ней будем очищаться и мы. Это взаимный процесс.

А все наносное, чужеродное из нашей культуры уйдет. Потому что Россия не Россией быть не может. Как и Россия без культуры. Это обсуждению не подлежит.

Анатолий ПРИСТАВКИН Ключи от храма

Мне сейчас многие говорят: вот вы написали повесть, в которой отражена трагедия людей Кавказа. Ее все прочли. Ее даже в школе изучают. Почему же она не остановила военных? Думаю, что эти политики и эти военные, которые решились на кровавую авантюру, вряд ли что-то читают, кроме своих уставов. Приходится жить с чувством непереносимого стыда. Потому что опять все диктуют люди, способные только к разрушению. Хотя пора бы уже хоть что-нибудь построить.

Кавказ не только как историю, через Ша-миля, Хаджи-Мурата, Жилина с Костылиным, но и через прекрасных кавказских поэтов, певцов, танцоров, которые просили в нашу культуру. В то же время представить Пушкина, Лермонтова, Толстого, Есенина без художественных образов, подаренных им Кавказом, тоже невозможно. В культуре уже давно произошло взаимопроникновение. В культуре, но не в политике.

Мальчишкой я жил в тех краях и знаю, что для чеченцев ни одна из происходивших с ними трагедий не ушла в историю. Все, что было, – это их современность, они живут этим по сей день, тем более что трагедии все время множились. Ведь "старший брат" много чего успел поватворить. И вот сегодня, вместо того чтобы приходить в Чечню с Пушиным, мы приезжаем на танке с Грачевым. А ведь чеченцам уже нечего терять. Этот народ прошел все и будет стоять до конца. Ведь мы его практически пустили по миру, а сегодня навязываем войну, которая опять будет длиться десятилетиями. И опять будем удивляться: за что же русские-то не любят? Идя за военными, которым обязательно нужно доказать, что они не зря существуют, мы многим ненавидим. И только. Потому что нельзя победить в войне с народом. Такого не было в истории и быть не может. Мы добьемся только того, что из каждого чеченца сделаем личного врага. И это будет крахом для нас. Нужно незамедлительно выводить войска. Любой военный позор – ничто по сравнению со спасенными человеческими жизнями.

Мне сейчас многие говорят: вот вы написали повесть, в которой отражена трагедия людей Кавказа. Ее все прочли. Ее даже в школе изучают. Почему же она не остановила военных? Но я думаю, что эти политики и эти военные, которые решились на кровавую авантюру, вряд ли что-то читают, кроме своих уставов. Да и книгу эту я писал не для Грачева. Для него поздно писать книги. Я писал ее для тех мальчишек, что сидят сегодня под снегом в окопах и которых мы превращаем в преступников. Они для меня – дети. Им я хотел помочь вырастить душу, вызвать отвращение к насилию. И кто знает, может быть, эту битву я еще не проиграл.

териальным воплощением нашей духовности со всеми ее и отвратительными, и прекрасными чертами. Он станет реальным фактом, реальным возвращением почти что из небытия одного из звеньев нашей культуры.

Говорят, и я это признаю, что строение это было не самым красивым. Но оно было! В храме была прекрасная живопись, изумительные фрески работы очень больших мастеров. Он был един в трех лицах. Неподражаемое содержание уживалось с аляповатой внешностью. А третьим лицом его было не лицо даже, а лик, символ. Он был частью нас, частью моих родителей, которые жили в одно с ним время.

Когда Булат Окуджава приехал из Америки, я спросил, как его там принимали. Он ответил, что принимали замечательно. А потом, подумав, сказал: я понимаю, что на меня в Америке эмигранты ходят из чувства ностальгии. Так вот, Лужков, как мне кажется, тоже затеял это строительство из чувства ностальгии.

А до этого, видимо, из того же чувства помог отреставрировать церковь у Красной площади, чего никто не заметил и о чем никто не спорил. Значит, есть стремление вернуть хоть что-то из утраченного. И это нормально.

Говорят, повторюсь, что это было не лучшее архитектурное творение и не лучший символ. Но сколько людей – столько мнений. И кто точно знает, какой символ лучше, а какой хуже? Важно другое. А именно то, что это – наш символ. Он не может быть американским или немецким.

Москва же всегда была с точки зрения архитектуры эклектична. Она не составляла единой архитектурной композиции, как Питер, а во все времена была нагромождением строений разного вкуса, отражая этим тот факт, что в городе – различные люди, различные сословия, различные культурные пласты. Петербург – это вкус Петра. А Москва – это вкус самых разных людей. Архитектура Москвы полифонична, я бы даже сказал – демократична. Может быть, именно этим она и не нравилась жестокому самодержцу Петру, который желал видеть во всем воплощение своей воли.

Наверное, храм сам по себе не улучшит

обетованные", где чиновные благодетели обзывались открыты новые столовые для новых бездомных. Лучше уж постараться, чтобы не было новых бездомных. Ясно же, что на эти деньги всем деңсию не увеличилось, всех не оденешь, тем более что строительство будет вестись фактически в долг и из внебюджетных средств. Это не решение проблемы. Это вообще другой пласт проблем. Мы же, верные своим привычкам, готовы до хрипоты спорить, решать, что строить прежде, а что потом. В результате же ничего не построим. Нам же обязательно надо, как в "Курочке-рябе" Кончаловского, непременно золотое яичко продать, а деньги поделить и пропить.

Или еще говорят – не время, мол. А когда же будет время? Когда коммерческие структуры и это место скупят и построят на нем очередной ресторан с публичным домом? А кроме того, потом, если, да бог, наша жизнь наладится, это уже никому не будет нужно. Именно сейчас, в смутные дни, и время связать исторические нити воедино.

Парапсихологи проповедуют теорию о том, что ничто в этом мире не исчезает бесследно. Все остается в космосе: и голоса погибших, и крики новорожденных, и сожженные книги, и разрушенные храмы, и невысказанные мысли. И человек,

